

МОСКВА РАЗНООБРАЗНА и причудлива. Белокаменная, первопрестольная, град на семи холмах, "большая деревня" и даже порт пяти морей (как стали именовать столицу после строительства канала Москва — Волга). Москва пестра. Александр Пушкин отмечал: в ней имеется всё: "Бухарцы, сани, огороды, / Купцы, ла-чужки, мужики, / Бульвары, башни, казаки, / Апте-ки, магазины моды, / Балконы, львы на воротах / И стаи галок на крестах".

Москва своенравна и хаотична. Тут нет прямых линий, прочерченных царской рукой, — сплошные кольца, задворки, переулочки, тупики. Виссари-он Белинский в своём описе "Петербург и Москва" констатировал: в Петербурге — делают карьеру, а в первопрестольной — женятся. Сюда, на ярмар-ку невест, свозили первейших красавиц России. У града Петра — характер мужской, у Москвы — ис-ключительно дамский. Северная Пальмира сла-вится бонтоном и светским обхождением, а злато-главая — своим ухарством да умением шикарно потратить капиталы. Самые немислимые крино-лины — в Москве. Острыя шутили, что для них надобны специальные кареты. Ан нельзя — пере-городят все улицы. Иван Панаев выразился пря-модушно: "Московские барыни отличаются хле-босольством, благотворительностью, чувством национальной гордости и безобразием экипажей. ...В петербургских барынях оригинального мало. ...Они помешаны на светскости, о которой не име-ют ни малейшего понятия".

Лев Толстой обожал Москву и недолюбливал "брега Невы", потому не случайно, что Москва у него — "тёплая", а Питер — ледяной и двуличный. Владимир Гиляровский с восторгом писал: "Я — москвич! Сколь счастлив тот, кто может произнес-ти это слово, вкладывая в него всего себя". Дядя Гиляй, как его называла публика, представил Мос-кву, какой она была, — нищей и богатой, забав-ной и по-купчески деловой. Каждый дом — шка-тулочка с секретами, а то и с драгоценностями. Ещё блины, пироги, варенья, вишнёвые и яблоне-вые сады. Москва широка и многолика, и тройки мчат куда-то в сторону Дорогомилова, Рогожки, Семёновской, Пресни.

Москва всегда бурно развивалась — она когда-то была промышленным городом (сейчас на ме-сте бывших заводов и фабрик всё чаще возникают арт-центры и торгово-развлекательные позори-ща). Всё то же Гиляровский в 1930-х годах от-мечал: "На пёстром фоне хорошо знакомого мне прошлого, где уже умирающего, где окончательно исчезнувшего, я вижу растущую не по дням, а по часам новую Москву. Она ширится, стремится вверх и вниз, в неведомую доселе стратосферу и в подземные глубины метро, освещённые электри-чеством, сверкающие мрамором чудесных зал".

НА ВДНХ, в Центральном павильоне № 1 сейчас проходит грандиозная выставка: Рус-ский музей представил картины, посвящён-ные Москве. Изумляет количество знаковых имён: Василий Суриков, Илья Репин, Михаил Нестеров, Аполлинарий Васнецов, Исаак Бродский, Юрий Пименов.

Иные экспонаты вызывают недоумение. Каким боком к Москве относится суриковское полотно "Степан Разин"? В знаменитой песне поётся: "Вол-га, Волга, мать родная, / Волга — русская река, / Не видала ты подарка / От донского казака?". Стеньку Разина казнили на Болотной площади в Москве — вот и вся его столичная эпопея. Точно так же непонятно присутствие "Зимы" Ивана Шиш-кина. Он — питерский художник, владел усадьбой Выра близ Гатчины, и подавляющее большинство его пейзажей написано под Петербургом. Есть, конечно, исключения — например, "Полдень. В окрестностях Москвы", но их не так уж много.

Однако в целом подборка идеальна. Мас встре-чают городские виды Жерара Делабарта, создан-ные в конце XVIII — начале XIX века. Об этом ху-дожнике сохранились отрывочные сведения, да и те не подтверждены. Есть версия, что он сбежал от Французской революции, тогда как даты его рождения и смерти по сию пору неизвестны. Вме-

сте с тем его московские пейзажи до сих пор вы-зывают живойший интерес. Царила мода на "веду-ты" (от итал. veduta — "вид", "точка зрения"). Это подробно-тщательное изображение местности. Делабарта интересовали не только здания, но и люди. Купеческие дочери в душегреях и кокошни-ках, сановники в напудренных париках, модники-бонвиваны, крестьяне с возами сена, извозчики, бабы на рынке — всё смешалось в ярком вихре московского бытия. Вещицы Делабарта ценны ещё и тем, что они — свидетельства до-пожарной Москвы. После 1812 года город фактически от-страивался заново.

Примечательна картина и другого француза, подвизавшегося при русском дворе, — Эмиля Жана Ораса Верне — "Коронация Марии Фёдоров-ны 5 апреля 1797 года". Полотно было создано в конце 1820-х годов по заказу Николая I — люби-мого сына императрицы Марии. Торжественная об-становка, высоченные своды храма, Павел I, дер-жащий корону и — жена, склонившаяся в глубоком почтении. Стиль и дух заимствован у Жака Луи Да-вида с его "Коронацией Наполеона I и Жозефины".

Интересны ведуты Фёдора Алексеева "Пло-щадь в Московском Кремле" и "Площадь перед Успенским собором" — они также сделаны до по-жара. Алексеев явился основоположником клас-сичестического городского пейзажа — его карти-ны строгие, выверены, композиционно точны.

Привлекают "Спасские ворота" Карла-Виль-гельма Рабуса — немца российского подданства. Он — востребованный пейзажист и один из луч-ших педагогов России. Его уроки посещал юный Алексей Саврасов. Рабус, будучи академистом, вносил нотки романтизма в своё творчество. На представленной картине — ночь, луна, таинствен-ный силуэт башни. Это кажется иллюстрацией к

И ЭТО ВСЁ О НЕЙ...

Картины, посвящённые Москве, приехали из Санкт-Петербурга

готическому роману, каковые были в превеликой моде у читателей XIX столетия.

Сделался популярным историзм — эстетизи-рованный взгляд на далёкое прошлое. Тому при-мер — полотно "Царь Иоанн Грозный и иерей Сильвестр во время большого московского пожа-ра 1547 года" работы Павла Плешанова. Мастер получил известность благодаря своим библей-ским, историческим и мифологическим сюжетам. Тут мы видим юного царя, одетого в шелка, и умудрённого Сильвестра, театральным жестом указывающего в сторону окна.

Художников и зрителей волновала допетров-ская старина — в ней пытались найти глубинную истину, которую невозможно было сыскать в бур-жуазно стремительном, железном веке. Василий Верещагин выступает с картиной "Старая Мос-ква". Живописец, прославивший себя батальны-ми сценами, не чурался и других тем — он ездил по России, писал кремли и храмы, заснеженные улицы и деревенскую ширь. "Старая Москва" — это изысканная печаль о минувшем благолепии.

Как тут обойтись без Андрея Рябущкина и его румяных боярынь? Красный цвет главенствует. Золото сияет. Воздух прозрачен и чист. "Москов-ская улица XVII века в праздничный день" — свое-образное путешествие в Московию, где жизнь текла неторопливо, а дедовский обычай переходил из поколения в поколение. В этом сюжете — иро-ния. Москвичи пробираются по страшной распути-це — вода и грязь достигают циклолотов. И всё же картина ярка и заманчива — всё внимание при-ковано к женщине в алом убранстве.

А вот и Серебряный век, ар-нуво! Это частое обращение к былому, ностальгия по Версалью га-лантных столетий, по мистичной античности, по кокошиникам и душегреям потаённой Руси. Апол-

линарий Васнецов вслед за своим старшим бра-том Виктором посвятил себя изучению древнерус-ских красот, и если Виктор "сочинял" волшебные сказки, то Аполлинарий обращался к пейзажной реальности. Ему принадлежит крупный цикл, связанный с московской архитектурой Ивана III, Ивана Грозного и Алексея Михайловича. На вы-ставке — несколько подобных работ, но есть и пи-санный с натуры "Новодевичий монастырь".

Очарователен портрет Зинаиды Юсуповой — одной из роскошных дам Серебряного века. Прав-да, Юсупова никогда не была москвичкой — она сто процентная петербурженка. Разве что Юсупо-вы-Эльстон часто гостили в своём подмосковном имении Архангельское. Но обратимся к полотну. Валентин Серов проявил свой недоужинный та-лант, подчёркивая утончённую прелесть аристо-кратки. Зинаида Николаевна сыпала умной, приго-жей, щедрой и — скромной. Художник с упоением относился к своей заказнице. Лёгкое платье, слов-но костюм феи, розовые тона мебелировки, безмя-тежность, мягкий свет — уютная вселенная, кото-рой вскоре наступит конец.

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ внесла свои коррективы: столица вновь переехала в Москву, а живописцы получили новые зада-ния. Вот "Передача знамени парижских коммунаров московским рабочим на Ходынке" Исаака Бродско-го. Краснознамённый митинг, лозунги, народ, плат-ки и шляпы — Бродский живописует не толпу, но общность, где каждый выписан максимально чётко. Ощущение ветра и знобного пространства — низ-кие облака не обещают хорошей погоды, но разве холод может помешать единству и ликованию?

В 1930-х годах зародился сталинский Большой Стиль, с балюстрадами, винетками, вазами и

пышными занавесями. Картина Владимира Ефа-нова "Встреча артистов театра имени К.С. Станис-лавского со слушателями Военно-воздушной ака-демии имени Н.Е. Жуковского" — это настоящей триумф ампи́ро-барочной традиции. Позы велича-вы. Мебель резная. Одежда парадная. Колонны с ионическими капителями. Никакого аскетизма. Жить стало лучше, жить стало веселее.

Послевоенные работы — счастье мирного дня и таких же спокойных ночей, без тревог, страха и бомбёжки. Создавались картины, повествующие о буднях обновлённой Москвы с её проспектами и шоссе́йными дорогами, уносящими из гулко́го центра в дачную бесконечность. Пахнет сиренью. Юрий Пименов — радостный певец Черёмушек и юной свежести. Столица динамично расши-рялась, прирастая окраинами. Художники стре-мились это запечатлеть, но никто не превзошёл Пименова. "Движущаяся граница города" — ясное утро в отдалённом районе, где раньше паслись козы и стояли деревянные домики.

Белье новостройки, автобусы, подъёмные кра-ны и детские коляски — зримый символ благо-устроенности. Спешно расселялись коммунальные квартиры, строились школы и поликлиники — была та самая уверенность в завтрашнем дне, по кото-рой ныне тоскуют бывшие советские граждане.

Юрий Пименов — романтический бытописа-тель, он являл жизнь в потоке. "Обыкновенное утро" — бодрая магистраль и торопливые граж-дане. Героиня фабулы — мойщица окон. Простой труд, обычный человек. И — солнечные блики. Завтра будет лучше, чем вчера!

Экспозиция богата. Метро и храмы, дворцы и дороги, москвичи и гости столицы — здесь каждый найдет что-то своё. Москва — это город-вселен-ная, где постоянно происходят чудеса, например такие, как выставка Русского музея на ВДНХ. "Как часто в горестной разлуке, / В моей блуждающей судьбе, / Москва, я думал о тебе!" — молвил Алек-сандр Пушкин, а он как никто чувствовал миры и смыслы.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Новодевичий монастырь». Художник Аполлинарий Васнецов. 1926 г.

ХОРХЕ ЛУИС Борхес однажды заметил, как будто вскользь, что существует всего три истории, которые люди бесконечно рассказыва-ют друг другу: история войны, история любви, история странствия. Но, по-хоже, существует ещё одна история, только рассказать её почти невозможно — история ожидания, которым чаще всего и остаётся наша жизнь. Но у Мар-гарет Манерлин Митчелл (1900—1949) это почти невозможное получилось — единственный роман "Унесённые ве-тром", написанный этой жительницей штата Джорджия в конце 1920-х — пер-вой половине 1930-х годов, оказался одним из величайших произведений американской и мировой литературы. Только история ожидания была пода-на ею как история выживания главной

героини романа Скарлетт О'Хара — на фоне Гражданской войны, любви и странствий между её поместьем Тара и столицей штата Атлантой.

Митчелл создала и подарила Соеди-нённым Штатам Америки некий аналог того самого волшебного зеркала, описанного Пушкиным в "Сказке о мёрт-вой царевне и о семи богатырях", — зеркала, в которое его владельцам хочется смотреться бесконечно и всег-да слышать от него про себя: "Ты на свете всех милее, всех румяней и бел-ее", что бы внутри и вокруг человека при этом ни происходило. И этот образ прекрасной Америки (по-китайски Соеди-нённые Штаты так и называются: "мэй го", "прекрасное государство") — даже отождествлённого с ней амери-канского Юга, ведущего свою историю

с эпохи отцов-основателей и Войны за независимость (Джорджия была в числе первых 13 штатов, образовав-ших США), — таким запечатлён через память Скарлетт: "...Красота былых дней, и грусть и тоска по ним наполни-ли её душу. ...Они, Скарлетт и Эшли, снова ехали верхом по сельским про-сёлкам той далёкой, давно минувшей весной. ...Скарлетт слышала весёлое позвякивание уздечки, когда они ехали под кизилowymi деревьями на пикник к Тарлтонам, слышала свой беззаботный смех, видела, как солнце блестит на зо-лотистых, отливающихся серебром воло-сах Эшли, любовалась горделивой гра-цией, с какой он сидит в седле. В голосе его звучала музыка — музыка скрипок и банджо; под эти звуки они танцевали тогда в белом доме, которого больше

специалистами по части выживания... И когда приходит беда, мы склоняемся пе-ред неизбежным без звука, и работаем, и улыбаемся, и ждём своего часа. И поды-грываем тем, кто много ниже нас, и берём от них всё, что можем. А как войдём снова в силу, так и дадим под зад тем, на чьих спинах мы вылезли. В этом, дитя моё, секрет выживания". Эти истоки не менее важны, чем последующие извивы течения американской истории. Сове-менные США вышли из горнила Граж-данской войны Севера с Югом, прошли через него. А "Унесённые ветром" — луч-ший роман об этой войне по тщательнос-ти и объёму разработок исторического материала, от мельчайших бытовых де-талей, типа поставки пуговиц и женских булавок в подвергшиеся блокаде штаты Юга, до, казалось бы, "проходной" ре-

ром издательству предлагалось другое: "Завтра будет другой день") и театром, плюс семейное воспитание в духе пре-клонения перед героями Конфедерации, в рядах армии которой сражались оба её деда, плюс общественное настроение всего Юга (кстати, ныне голосующего за Республиканскую партию). Но всё равно: случай настолько уникальный, что со-мнения в авторстве "Унесённых ветром" сопровождали Маргарет Митчелл с мо-мента публикации романа вплоть до её смерти — сопровождают и ныне. Ведь, с точки зрения "среднего американца", как можно было не воспользоваться три-умфом своего произведения, не напи-сать его продолжения или нового романа за своим авторством — попросту бросить и больше не разрабатывать такую уже найденную "золотую жилу"? Ведь в Со-

УТЕРЯННАЯ КРАСОТА ПО-АМЕРИКАНСКИ

К 125-летию Маргарет Митчелл

нет. ...А на Рождество от чаш, увитых остролистом, пахло ромовым пуншем, и кругом сияли улыбками лица чёрных слуг и белых господ. И друзья былых дней, смеясь, вдруг собрались вокруг, словно и не лежали в могилах уже мно-гие годы... И над всем этим царило чувство уверенности, сознание, что за-втрашний день может быть лишь таким же счастливым, как сегодняшний".

При этом сама писательница ничуть не идеализировала ни своих героев, особенно главных, "сильных и бесприн-ципных, страстных и земных", ни жизнь, которой они жили, — вернее, которой им довелось жить: "Весь уклад жизни нашего Юга... такой же анахронизм, как феодальный строй средних веков. И до-стойно удивления, что этот уклад ещё так долго продержался. Он обречён и сейчас идёт к своему концу". Но "на кру-шение цивилизации можно заработать ничуть не меньше денег, чем на созда-нии её", и "мы живём в свободной стра-не, и каждый имеет право быть негодя-ем, если ему так нравится", а "любую добродетель можно купить за деньги — вопрос лишь в цене". "я скорее украду или убью, но не буду голодать".

Книга Митчелл выражает не просто национальный характер, дух Америки, с её неизбывным прагматизмом, но и само возникновение этого духа. "И дело не в том, что меня огорчает необходимость обтёсывать колья, стоя в грязи, — меня огорчает то, что эту необходимость по-родило. И меня огорчает — очень огор-чает — утрата красоты, которой полна была прежняя, любимая мною жизнь". "Плох тот человек и плох тот народ, ко-торый сидит и льёт слёзы только потому, что жизнь складывается не так, как хоте-лось бы". "В жизни бывают взлёты и па-дения, и с этим приходится мириться... И наш девиз такой: "Не вопи — жди с улыб-кой своего часа". С этим девизом мы пережили немало — ждали с улыбкой своего часа и стали теперь большими

плики капитана Ретта Батлера: "Англия никогда не придёт на помощь Конфедера-ции. Англия никогда не выступает на стороне побеждённого. Потому-то она и Англия", — за которой проступают кон-струкции большой политики, "на земле" включающие в себя множество трагедий, разрушений и смертей, тот же пожар в Атланта или разграбление Тары.

ПО МНЕНИЮ многих критиков, ро-ман Маргарет Митчелл во многом сопоставим с эпопеей Льва Тол-стого "Война и мир", — тем более, что оба этих произведения созданы вовсе не очевидцами описанных там событий, а на определённой временной дистан-ции от них ("Большое видится на рассто-янье"?): между Отечественной войной 1812 года и созданием эпопеи о "дуби-не народной войны" прошло полвека, а между Гражданской войной в США и появлением "Унесённых ветром" — больше семи десятилетий. Но это и не исторические романы, повествующие о временах и людях, уже ушедших за пре-делы настоящего, в прошлое, — скорее, любовная фиксация писателями по-следних всполохов ещё живого костра.

Нередко можно встретить утверж-дения, согласно которым "Унесённые ветром" написаны домохозяйкой. И эта версия формально соответствует дей-ствительному положению дел Маргарет Митчелл на 1936 год. Только у этой "до-мохозяйки" и "девушки из хорошей се-мьи" к тому времени за плечами была успешная (более сотни её полновесных статей за три года работы в газете "Ат-ланта джорнэл" — не шутка) карьера журналистки, прерванная травмой, полу-ченной в автокатастрофе (смерть Марга-рет Митчелл тоже наступила после того, как её сбил автомобиль), и прекрасное образование; она увлеклась литера-турой (название книги — цитата из сти-хотворения 1896 года британского поэта Эрнеста Досуна, хотя изначально авто-

единённых Штатах "Унесённые ветром" быстро получили статус второй самой читаемой книги (первое — за Библией), а снятый по ней в 1939 году оscarоносный (восьмь премий) фильм с Вивьен Ли и Кларком Гейблом в главных ролях до сих пор остаётся (с учётом инфляции) самым успешным кинопроектом, собравшим за годы проката эквивалент более чем 4 миллиардов современных долларов. Но, видимо, Митчелл острее всех понимала уникальность созданного ею романа и не желала это качество утратить: всё-таки она жила ещё не в той Америке, где "всё просто так, кроме денег", и говорила в своём романе (авторство подтверждает-ся множеством вариантов черновых глав) прежде всего от её имени.

РАЗУМЕЕТСЯ, современная Амери-ка мало похожа на ту страну, которой она была во время Гражданской вой-ны, в 1936-м или даже в 1949 году. В ней не то что возможных (протесты против романа и фильма шли уже с момента их выхода в свет), а в порядке вещей стали статьи с такими вопросами: "Если знамя Конфедерации признано, наконец, урод-ливым символом расизма, то почему мы всё ещё считаем "Унесённых ветром" зна-менем американской культуры?", — и в рамках концепции "культуры отмены", про-двигаемой сторонниками Демократи-ческой партии, дело доходило даже до изъ-ятия фильма из открытого доступа рядом интернет-сервисов и до обсуждения необ-ходимости его запрета — точно так же, как в американских городах массово сносили памятники генералам Конфедерации. И конфликты вокруг имени Маргарет Мит-челл, связанные с попыткой переписать американскую историю в более "прогрес-сивном" ключе, далеко не закончены. Что лишним раз подчёркивает истинный мас-штаб и значение творчества этой уникаль-ной американской писательницы.

Георгий СУДОВЦЕВ